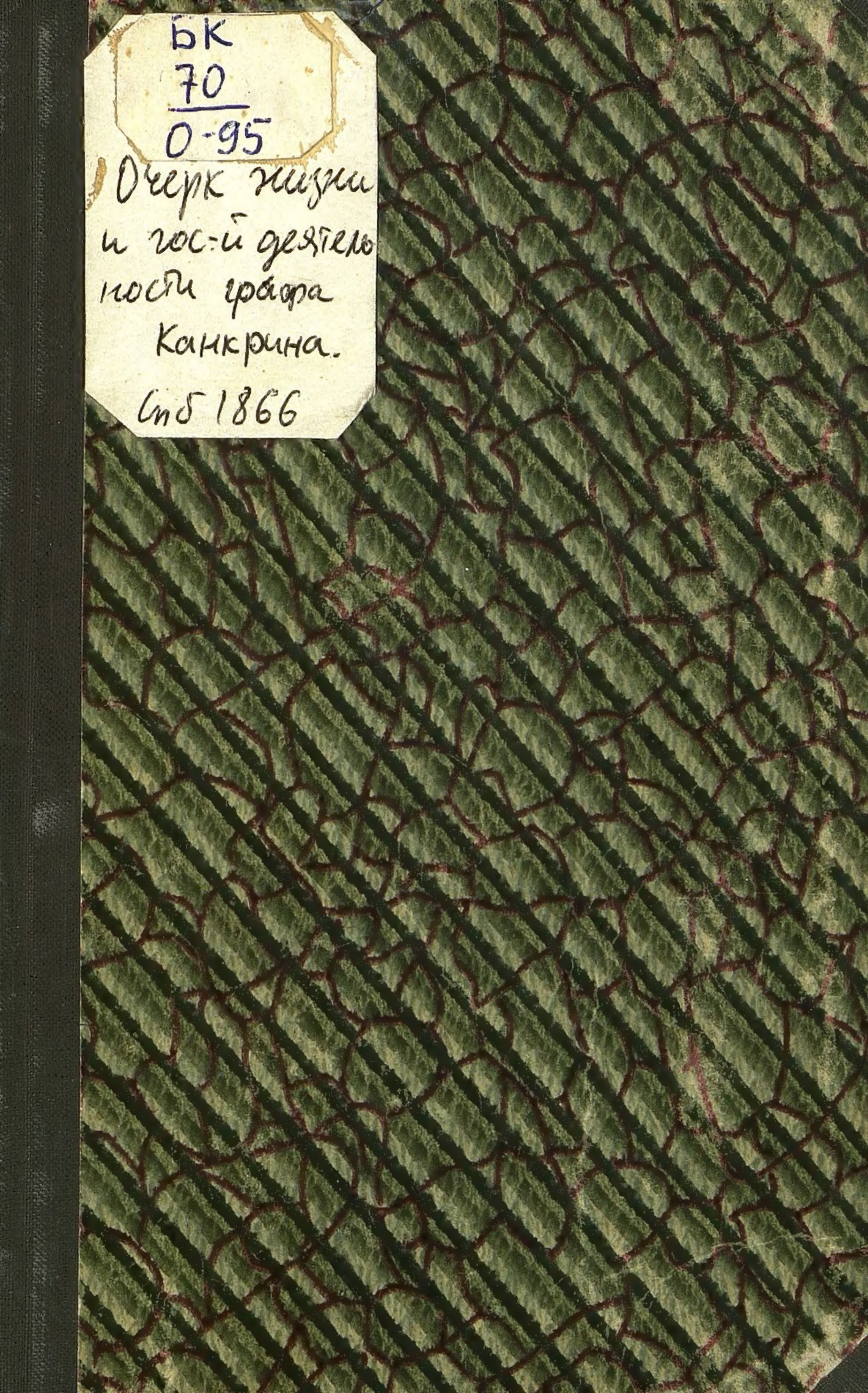

БК
70
О-95
Очерк жизни
и гос-й деятель
ности графа
Канкрина.
Спб 1866

ОЧЕРКЪ

ЖИЗНИ

и

ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ГРАФА КАНКРИНА

С. ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ О. И. БАКСТА
Стремянная № 14.
1866

ОЧЕРКЪ

ЖИЗНИ

И

ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ГРАФА КАНКРИНА

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ О. И. БАКСТА

Стремянная № 14.

1866

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, 7 Апрѣля 1866 г.

ОЧЕРКЪ
ЖИЗНИ
И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ГРАФА КАНКРИНА[1]

При современномъ стремленіи русскаго общества и литературы отыскать истинныя причины столь долго-тяготѣющаго надъ нами кризиса и указать средство къ скорѣйшему изъ него выходу, вопросъ все болѣе и болѣе касается общей системы финансоваго управленія, которая соотвѣтствовала бы настоящему положенію Россіи. Твердымъ и энергическимъ представителемъ одной изъ такихъ системъ, въ недавнее время, былъ графъ Канкринъ. Не удивительно поэтому, что имя его часто поминается и образъ управленія его одними осуждается, какъ во многомъ ошибочный, самъ по себѣ, и тѣмъ менѣе годный въ наше время, другими считается и до сихъ поръ образцемъ, достойнымъ безусловнаго подражанія. Мы полагаемъ не безъ интереснымъ, при такихъ обстоятельствахъ, представить краткій очеркъ госу-

---

[1]) При составленіи этого очерка значительнымъ пособіемъ служила статья, напечатанная въ №№ 138, 139, 140, 142 и 143, Journal de St. Pétersbourg, 1860 года, подъ заглавіемъ: Georges Cancrine — étude biographique.

дарственной дѣятельности графа Канкрина, съ историческимъ поясненіемъ главнѣйшихъ мѣръ его управленія и, такимъ образомъ, выяснить, по мѣрѣ силъ, основанія той системы и тѣхъ взглядовъ, которыми была проникнута безъ сомнѣнія плодотворная дѣятельность этого министра.

Канкринъ родился въ Ганау, въ Гессенскомъ Курфиршествѣ, въ 1774 году 26-го ноября; воспитывался въ Германіи, въ Гессенскомъ университетѣ, гдѣ преимущественно изучалъ правовѣденіе и политическую экономію. Окончивъ курсъ наукъ, онъ блистательно защищалъ свою диссертацію и вступилъ въ службу герцога Ангальтъ Бранденбургскаго, гдѣ достигъ званія совѣтника правленія.

Въ 1800 году, 26-ти лѣтъ, онъ, по ходатайству отца, перешелъ въ Россію, въ Соляное правленіе, съ чиномъ колежскаго совѣтника, гдѣ служилъ и самъ отецъ. Въ 1805 году произведенъ былъ въ статскіе совѣтники. Въ 1809 году назначенъ былъ инспекторомъ иностранныхъ колоній Петербургской губерніи.

Въ это время онъ написалъ нѣсколько записокъ о финансахъ Россіи, которыя сдѣлали его извѣстнымъ многимъ государственнымъ людямъ. Къ сожалѣнію, мы не могли достать этихъ записокъ.

Въ 1810 году онъ сошелся съ военнымъ министромъ Барклаемъ-де-Толемъ и написалъ проектъ «о средствахъ продовольствія большихъ армій», что и обратило на него вниманіе Государя Александра Павловича. Въ 1811 году Канкринъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и переведенъ въ военное министерство.

Въ 1812 году онъ былъ назначенъ генералъ-интендантомъ 1-ой арміи, и вскорѣ переименованъ въ генералъ маіоры. Съ 1813 по 1816 годъ онъ былъ генералъ-интендантомъ

всей арміи, дѣйствовавшей тогда въ Германіи и Франціи, и въ 1816 году былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Послѣ войны, онъ, съ большимъ успѣхомъ, ликвидировалъ всѣ дѣла по расчетамъ съ разными государствами, объявившими много претензій по довольствію нашихъ войскъ, въ военное время, за границею.

Въ 1820 году онъ написалъ сочиненіе «о военной экономіи во время войны и во время мира и ея отношеніяхъ къ передвиженію войскъ». Это сочиненіе сдѣлало его извѣстнымъ въ Европѣ.

Въ апрѣлѣ 1823 года Канкринъ назначенъ былъ министромъ финансовъ. Чтобъ оцѣнить его дѣйствія на этомъ широкомъ поприщѣ, необходимо нѣсколько ознакомить читателя съ тогдашнимъ экономическимъ и финансовымъ положеніемъ страны и частію съ исторіей ея въ этомъ отношеніи.

Въ 1768 году Екатерина основала ассигнаціонный банкъ и выпустила скоро 40 милліоновъ ассигнацій. Но этотъ выпускъ нисколько не повредилъ, въ то время, финансовому положенію государства; напротивъ онъ способствовалъ развитію торговаго движенія и, по 1788 годъ, курсъ нашихъ ассигнацій былъ высокъ, даже на 5% выше цѣнности мѣдной монеты, на которую предположено было ихъ размѣнивать; но съ того времени выпуски ассигнацій быстро увеличивались, по случаю войнъ, потребовавшихъ необыкновенныхъ издержекъ на покупку монетою разныхъ надобностей для арміи, — монета извлекалась для того изъ обращенія и постоянно дорожала. Въ началѣ царствованія Павла I, ассигнацій было выпущено уже на 157 милліоновъ и курсъ ихъ стоялъ на 31% ниже пари.

Во время заграничныхъ войнъ, въ царствованіе Александра I,

по 1810 годъ, монета требовалась въ чрезвычайныхъ количествахъ, такъ что количество ассигнацій простиралось уже свыше 700 милліоновъ и курсъ ихъ упалъ на 75% ниже пари. Въ 1810 году финансы Россіи были въ самомъ тяжеломъ положеніи; дефицитъ простирался до 105 милліоновъ. Тогда родилась мысль прекратить, для поправленія положенія финансовыхъ дѣлъ и предупрежденія дальнѣйшаго паденія курса ассигнацій, выпускъ ихъ и установить монету главнымъ орудіемъ обращенія; но наступившая война 1812 года остановила исполненіе этого плана, задуманнаго Сперанскимъ и графомъ Гурьевымъ.

По окончаніи войны, графъ Гурьевъ опять сталъ заботиться объ уменьшеніи количества ассигнацій, которыхъ тогда было въ обращеніи уже 830 милліоновъ; но, вмѣсто того, чтобъ продавать государственныя имущества, рѣшено было приступить къ иностранному займу.

Первый, для этой цѣли, заемъ, въ 40 милліоновъ серебромъ, былъ совершенъ въ Амстердамѣ весьма легко, что, впрочемъ, было весьма натурально, такъ какъ естественныя богатства Россіи были очевидны, а политическое значеніе ея стояло въ то время весьма высоко.

Въ 1819 году графъ Гурьевъ, въ совѣтѣ кредитныхъ установленій, объявилъ, что посредствомъ этого займа было изъято и сожжено на 118 милліоновъ ассигнацій, а взамѣнъ ихъ начеканено монеты 26 милліоновъ.

Слѣдуя той же системѣ, заключенъ былъ для той же цѣли второй иностранный заемъ въ 43 милліона, извлечено и сожжено было ассигнацій еще на 181 милліонъ.

Но, не смотря на эти многостоящія усилія, достигли въ 1820 году лишь ничтожнаго возвышенія курса ассигнацій; вмѣсто 400 копѣекъ ассигнаціонныхъ за рубль серебра,

курсъ дошелъ до 373 копѣекъ за рубль, а въ началѣ 1823 года курсъ ассигнацій опять упалъ и давали за рубль серебра 380 копѣекъ ассигнаціонныхъ.

Ни общественное мнѣніе того времени, ни самый опытъ не оправдывали этой операціи и Канкринъ также былъ противъ нея. Онъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые предсказывали печальныя послѣдствія такихъ мѣръ для нашихъ финансовъ. Въ сущности этою системою безпроцентный долгъ былъ только замѣненъ процентнымъ, и платежъ этихъ процентовъ былъ тѣмъ чувствительнѣе, что курсъ почти не улучшался, а приходилось ихъ платить по высокому на монету курсу, тогда какъ само правительство всѣ доходы получало ассигнаціями. Платежъ процентовъ, до 5 милліоновъ серебромъ, составлялъ самъ по себѣ новый расходъ, для доходовъ того времени весьма чувствительный, и для покрытія этаго расхода правительство принуждено было увеличить налоги.

Обратились преимущественно къ увеличенію дохода съ питейнаго сбора. Прежніе откупа и дворянское право винокуреніи въ девяносто ведерныхъ кубикахъ были уничтожены, а питейные сборы поступали въ казенное управленіе. Цѣна вину была возвышена весьма справедливо, но въ то же время число мѣстъ продажи было чрезвычайно умножено. Уничтоженіе права винокуренія, которымъ пользовалось повсемѣстно дворянство,—выкуривая, безъ всякаго платежа акциза, болѣе дозволеннаго количества и позволяя себѣ злоупотребленія при продажѣ—возвышеніе цѣны на вино и, особенно, размноженіе мѣстъ продажи его,—всѣ эти средства въ совокупности весьма естественно должны были много возвысить доходъ правительства отъ питейнаго сбора, но эта мѣра вредно подѣйствовала, какъ неожиданный переломъ, на хозяйство помѣщиковъ, особенно въ тѣхъ краяхъ, гдѣ удобре-

ніе необходимо для земледѣлія: она вредно подѣйствовала также на нравственность чиновниковъ министерства, которые вдались въ тонкія до чрезвычайности и неуловимыя злоупотребленія. Распространеніе мѣстъ продажи еще вреднѣе подѣйствовало на нравственность народа предавшагося пьянству во всѣхъ родахъ, т. е. и въ прежнихъ кабакахъ, и въ новыхъ питейныхъ домахъ, и въ новыхъ, подъ разными наименованіями устроенныхъ, питейныхъ заведеніяхъ, гдѣ открыты были даже соблазны всякаго рода. Однакожъ увеличившійся такимъ образомъ доходъ не долго удержался: въ 1823 и 1824 годахъ онъ упалъ болѣе нежели на 40%. Народъ пропился, и народное богатство значительно упало, а за тѣмъ уменьшились и государственные доходы.

Вообще экономическое положеніе государства, вмѣсто того, чтобы возрастать въ время мира, стало быстро упадать и открылся недостатокъ въ обращеніи денежныхъ знаковъ, потому что количество ассигнацій уменьшилось на 236 милліоновъ, а занятая монета уходила за-границу; фабрики рушились, банкротства были многочисленны, и недоимки въ платежѣ податей безпрестанно возрастали. Все это было засвидѣтельствовано въ циркулярѣ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ къ нашимъ представителямъ при западныхъ дворахъ, когда мы, въ 1822 году, рѣшились ввести не просто покровительственный, а запретительный тарифъ.

Въ казенныхъ палатахъ и казначействахъ того времени былъ большой безпорядокъ, такъ что при началѣ управленія Канкрина открылись на многіе милліоны растраты казенныхъ суммъ.

Вотъ въ какомъ положеніи были финансовыя дѣла, когда Канкринъ принялъ министерство.

Приступивъ, въ 1824 году, къ изслѣдованію денежнаго обра-

щенія въ особой коммисіи, онъ скоро рѣшился на прекращеніе прежней системы дѣйствій къ изъятію ассигнацій. Онъ обратилъ все свое вниманіе на введеніе порядка въ финансахъ и на экономію, и прошло не болѣе года, какъ государственные фонды наши до того возвысились, что коммисія должна была пріостановиться выкупомъ ихъ, опасаясь произвести искуственное повышеніе курса.

Кредитъ нашъ вскорѣ до того возросъ, что фонды наши покупались съ преміей, преимущественно предъ фондами другихъ націй, на всѣхъ рынкахъ Европы. Канкринъ говорилъ въ то время:

«Твердость государственнаго кредита, столь желательная во всѣхъ отношеніяхъ, основывается, съ одной стороны, на точности платежей процентовъ, а съ другой на сохраненіи строгой системы финансовой экономіи. Усиленное употребленіе средствъ къ повышенію фондовъ ведетъ къ необходимости новыхъ займовъ,—средство, которое должно всегда сберегать для чрезвычайныхъ обстоятельствъ, и въ которомъ въ настоящее время правительство наше нисколько не нуждается.»

Постоянно соблюдая экономію, Канкринъ скопилъ къ 1827 году [1]) 160,300,000 рублей т. е. болѣе 200,000,000 франковъ. Въ тоже время благосостояніе страны постепенно возрастало.

Но въ этомъ году открылась война съ Персіей; въ слѣдъ

[1]) Приводимъ подлинныя цифры расходовъ, назначенныхъ по государственнымъ росписямъ съ 1823 по 1827 годъ, откидывая копѣйки:

На 1823 годъ. . .	443.566,846	руб. ассигн.
» 1824 » . . .	419.412,276	»
» 1825 » . . .	392.997,617	»
» 1826 » . . .	384.736,564	»
» 1827 » . . .	378.760,406	»

за тѣмъ война съ Турціей, а въ слѣдъ за этой войной, возстаніе Польши, которое было тѣмъ чувствительнѣе, что, съ одной стороны, требовались экстраординарные расходы, а съ другой, казна лишилась въ западномъ краѣ значительнаго дохода. Въ тоже время появилась во многихъ губерніяхъ холера, потомъ голодъ вслѣдстіе неурожая. Все это истощило государственное казначейство и Канкринъ въ 1828, 1829, 1831 и 1832 годахъ вынужденъ былъ приступить къ иностраннымъ займамъ, коихъ всего совершилъ на сумму 82 милліона рублей. Между тѣмъ война на Кавказѣ не прекращалась, продолжались постоянно усиленные рекрутскіе наборы, армія увеличивалась и производились обширные маневры, такъ что Канкринъ вынужденъ былъ совершить въ 1840 году новый заемъ въ 25 милліоновъ, хотя и на весьма выгодныхъ условіяхъ. Но всѣ эти займы отнюдь не уронили нашего кредита, потому что между тѣмъ финансовая администрація все совершенствовалась, а мануфактурная промышленность и внутренняя торговля возрастали,—росло также внутреннее благосостояніе и косвенные доходы государства быстро увеличивались. Ни возстаніе Польши, ни іюльская революція во Франціи, произведшая въ Европѣ финансовый и торговый кризисъ, ни холера, свирѣпствовавшая за симъ въ имперіи, ни голодъ, въ слѣдствіе неурожая, ничто не остановило финансоваго благоустройства и преуспѣянія экономическаго положенія государства. Кромѣ сказанныхъ займовъ, для подкрѣпленія казначейства, ни во время войнъ, ни во время описанныхъ здѣсь обстоятельствъ, потребовавшихъ столь большихъ суммъ, Канкринъ не прибѣгалъ къ возвышенію внутреннихъ налоговъ и акцизовъ. Доходы государства увеличивались сами собою отъ возрастанія народнаго благосостоянія; народъ имѣлъ средства больше потреблять и пото-

му болѣе платилъ, хотя акцизы и косвенные налоги не были возвышены.

Вслѣдствіе столь благопріятнаго экономическаго и финансоваго положенія нашего и высоко поднявшагося на биржахъ нашего вексельнаго курса, иностранная монета стала переходить къ намъ. Особенно много появилось тогда у насъ французской золотой двадцати франковой монеты, которая, по величинѣ своей, много походила на наши полуимперіялы, такъ что безграмотные простолюдины наши стали принимать ихъ въ одинаковой цѣнѣ, тогда какъ они представляли разницы почти на 5%. Этимъ воспользовались мѣнялы, которые даже выписывали французское золото изъ-за границы и самые иностранцы употребляли преимущественно эту монету. Этою спекуляціей стали пользоваться потомъ разные торговцы и, наконецъ, откупщики. Всѣ старались торговать на рубли, не опредѣляя съ точностію платежную единицу, но отдавая луидоры въ 18 руб. 2 к. ассигнаціонныхъ, какъ принимали казначейства полуимперіялы, и еще требовали съ продавцевъ простолюдиновъ сдачи на эти, какъ называли ихъ тогда, лобанчики. Мало по малу это вошло въ обычай на базарахъ; но скоро разница сдѣлалась извѣстною для всѣхъ, а измѣнить торговую единицу никто не хотѣлъ, и потому, оставляя лобанчики въ курсѣ 18 р. 2 к., стали принимать русскій полуимперіялъ 18 р. 90 коп., а затѣмъ явился лажъ и на серебро и на ассигнаціи, такъ что основной единицей въ торговлѣ, въ промышленныхъ городахъ и даже въ Москвѣ, сдѣлалась оцѣнка лобанчика въ 18 р. 2 к. Но и это не долго продолжалось, явился лажъ и на самые лобанчики, который естественно долженъ былъ отразиться возвышеніемъ и на всѣ другія монеты, а также и на ассигнаціи. Курсъ платежной единицы такимъ образомъ непрестанно пони-

жался. Конечно это былъ безпорядокъ, которому надобно было положить конецъ. Но Канкринъ, безъ сомнѣнія, не былъ въ немъ виновенъ, хотя и подвергался сильнымъ нападкамъ отъ нѣкоторыхъ лицъ. Больше всѣхъ обвинялъ его въ этомъ случаѣ бывшій польскій министръ финансовъ, князь Любецкій, и требовалъ установленія незыблемой монетной единицы.

Между тѣмъ Канкринъ видѣлъ, что съ одной стороны, иностранная монета течетъ къ намъ въ изобиліи, а съ другой разработка золотыхъ розсыпей, вслѣдствіе его стараній и поощреній, постоянно и быстро увеличивается въ Сибири [1]) и что все это умножаетъ обиліе у насъ золота. Такое благопріятное положеніе дѣлъ подало ему мысль, что наступила

---

[1]) Прилагаемъ при семъ, для интересующихся этимъ дѣломъ, таблицу постепеннаго увеличенія добыванія золота въ Россіи за все время министерства Канкрина. Но избѣгая длиннаго ряда цифръ, беремъ ихъ сначала лишь черезъ пятилѣтніе сроки:

ТАБЛИЦА

общей добычи лигатурнаго золота въ Россіи

съ 1823 по 1845 годъ.

Съ частныхъ промысловъ.

	пуд.	ф.	з.	д.	На сумму. рубли.	к.
Въ 1823 году. . . .	69	10	5	48	916,291	90
» 1828 »	203	16	18	—	2.691,328	28
» 1833 »	230	13	71	72	3.047,773	12
» 1838 »	333	1	52	24	4.406,570	26
» 1843 »	1,063	17	13	84	14.070,657	20
» 1844 »	1,095	17	73	—	14.494,265	99
» 1845 »	1,130	23	25	67	14.959,186	97
Всего въ 23 года .	8,558	4	80	84	113.235,994	60

дѣйствительно возможность удовлетворить настояніямъ людей, требовавшихъ установленія незыблемой монетной системы, и въ 1839 году, 1 іюля, изданъ былъ указъ, коимъ правительство постановило:

«Серебряная монета впредь будетъ считаться главною монетою обращенія, и рубль серебра, съ его дробями, будетъ считаться законною мѣрою (монетною единицею) для всѣхъ денежныхъ бумагъ, цѣнныхъ документовъ и облигацій, находящихся въ обращеніи.

«Ассигнаціи будутъ считаться впредь второстепенными знаками цѣнности и курсъ ихъ, противъ звонкой серебряной

Съ уральскихъ казенныхъ заводовъ.

	пуд.	ф.	з.	д.	На сумму. рубли.	к.
Въ 1823 году. . . .	36	16	91	—	481,833	41
» 1828 »	86	39	80	—	1.151,077	31
» 1833 «	142	12	40	48	1.882,968	81
» 1838 »	132	5	64	—	1.748,414	29
» 1843 »	137	27	70	—	1.821,875	20
» 1844 »	136	19	43	—	1.805,904	48
» 1845 »	130	16	17	—	1.725,445	47
Всего въ 23 года .	2,726	32	45	93	36.079,543	80

Съ заводовъ кабинета Его Императорскаго Величества.

	пуд.	ф.	з.	д.	На сумму. рубли.	к.
Въ 1823 году. . . .	—	—	—	—	—	—
» 1828 »	—	18	5	—	5,971	35
» 1833 »	6	1	28	—	79,815	70
» 1838 »	27	37	93	—	369,807	85
» 1843 »	40	6	81	—	531,520	10
» 1844 »	47	39	67	—	635,007	62
» 1845 »	46	8	60	—	611,497	76
Всего въ 23 года .	384	10	50	84	5.084,343	43

монеты, одинъ разъ на всегда остается неизмѣннымъ, считая рубль серебра въ 3 р. 50 к. ассигнаціями.

«Лицамъ податнаго состоянія, при взносѣ податей, предоставляется безъ различія, и по собственному ихъ желанію, платить звонкою монетою или ассигнаціями, по вышесказанному курсу.

«Всѣ платежи государственнаго казначейства, до сихъ поръ производимые ассигнаціями, впредь будутъ также производимы безъ различія, монетою или ассигнаціями, по тому же курсу.

«Всѣ товары и сдѣлки, безъ исключенія, впредь должны быть заключаемы на серебряную монету, самые же платежи по онымъ, безъ различія, могутъ быть производимы серебряною монетою или ассигнаціями, лишь по вышеозначенному, неизмѣнному курсу.

«Цѣнные документы кредитныхъ установленій впредь также будутъ выдаваться цѣною на серебро.

«Уѣздные казначейства, соображаясь съ суммами, кои могутъ въ нихъ накопляться, должны обмѣнивать ассигнаціи на серебро и обратно, по тому же курсу въ 350.

«Всякое прибавленіе курса ассигнаціямъ, противъ неизмѣнно установленнаго, равнымъ образомъ взиманіе промѣна, при размѣнѣ ассигнацій на серебро и обратно, строго воспрещается. Всѣ цѣнные документы биржи, всѣ прейскуранты и справочныя цѣны должны быть выставляемы не иначе, какъ на серебяную монету, и курсъ ассигнацій не долженъ быть болѣе въ ходу при расчетахъ.

«Золотая монета государственнымъ казначействомъ будетъ выплачиваема и принимаема съ маленькимъ повышеніемъ противъ нормальной цѣны, т. е. имперіялъ въ 10 р. и 30 к., а полуимперіялъ въ 5 р. 15 к. серебромъ.»

За такое, такъ сказать, невольное установленіе однообразнаго курса ассигнацій относительно монеты, слышимъ мы теперь не мало упрековъ и обвиненій на Канкрина. Эти обвинители находятъ, что министръ, установивъ платежную единицу въ 3¹/₂ раза больше прежней, содѣйствовалъ почти на столько же возвышенію цѣнъ на всѣ предметы, увеличенію роскоши и умноженію потребностей въ образѣ жизни людей, которые съ трудомъ могутъ удовлетворять имъ.

По нашему мнѣнію, такое обвиненіе совершенно неосновательно. Мы, во-первыхъ, не находимъ указываемаго внутренняго возвышенія цѣнъ на всѣ предметы. Напримѣръ: въ 1824 году ленъ проданъ былъ въ Петербургѣ за границу по 17 р. 40 к. ассигнац., и эта цѣна льну была нормальная, а теперь мы продаемъ ленъ по 4 р. 60 к. на кредитные билеты; если же, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вслѣдствіе закрытія у насъ льнофабрикъ, онъ продавался дешевле, то это происходило вслѣдствіе разныхъ другихъ неблагопріятныхъ условій. Тоже должно сказать относительно хлѣба и другихъ произведеній земли, если бы цѣна употребляемому на нихъ труду установливалась вслѣдствіе свободной конкуренціи.

Относительно же иностранныхъ продуктовъ мы помнимъ, что покупали въ 1824 году хлопокъ не дешевле 32 руб. ассигнаціями, а потомъ, до междоусобной Американской войны, мы платили за него по 8 рублей и по 9 рублей кредитными билетами. Если же мы хотимъ непремѣнно имѣть въ квартирѣ нашей новомодную мебель, весьма дорогую, о которой прежде не имѣли понятія, если непремѣнно хотимъ имѣть на сценѣ первыхъ артистовъ въ свѣтѣ, которые требуютъ за свой талантъ, за то, что подвергаютъ его опасности въ нашемъ сѣверномъ климатѣ, неслыханныя прежде

суммы денегъ—въ этомъ, конечно, не виновата мѣра Канкрина. Всѣ подобныя требованія современной жизни нисколько не зависятъ отъ платежной единицы. Цѣны на иностранные, привозные или пріѣзжіе, предметы сообразуются съ цѣнами иностранными; а на внутреннія произведенія согласуются съ нашими требованіями. Если квартиры и дома стали дороже, это отъ того, что мы стали жить шире, населеніе города умножилось болѣе, нежели увеличилось число домовъ, число городскихъ и государственныхъ повинностей возвысилось, постройка и ремонтъ домовъ стали обходиться дороже, вслѣдствіе увеличенія платы рабочимъ, отъ которыхъ требуютъ болѣе податей, болѣе оброковъ, болѣе искуства, болѣе вкуса; наконецъ, отъ того, что и рабочій самъ сталъ жить шире, роскошнѣе и разгульнѣе. Словомъ, всѣ эти послѣдствія зависятъ отъ нравственныхъ, экономическихъ и политическихъ причинъ, установившихъ нашу гражданскую, общественную и частную жизнь на новый ладъ; отъ новыхъ, болѣе требовательныхъ условій жизни, а вовсе не отъ платежной единицы. Въ Пруссіи монетный счетъ производится на талеры, въ Англіи на фунты стерлинговъ, въ Америкѣ на доллары:— т. е такія единицы, которыя не дешевле, а дороже рубля серебряннаго; но въ Пруссіи, напримѣръ, другія условія жизни, нежели у насъ, которыя не требуютъ такихъ издержекъ, и мы сами, проживая тамъ, легко подчиняемся этимъ условіямъ, хотя и не въ силахъ примѣнить ихъ у себя дома. Въ самой Россіи до 1768 года, когда у насъ не было ассигнацій, и потомъ до 1788 года, когда выпущенныя ассигнаціи равнялись въ курсѣ съ монетою, платежною единицею былъ тотъ же серебряный рубль, и никто не думалъ, что отъ того жить было дорого. Конечно самый образъ жизни былъ тогда гораздо проще и менѣе требователенъ. Между

обвинителями Канкрина есть даже и такіе, которые говорятъ, что это установленіе однообразнаго курса ассигнацій, относительно монеты было будто-бы объявленіемъ государственнаго банкротства, потому что три съ половиною рубля ассигнаціонныхъ велѣно было принимать за рубль серебра. Но, во первыхъ, гораздо прежде Канкрина, четыре рубля ассигнаціонныхъ равнялись одному рублю на серебро de facto. Во вторыхъ, какъ же можно говорить, будто при Канкринѣ у насъ было государственное банкротство, когда монеты у насъ было въ изобиліи, государственный кредитъ нашъ былъ на самой высокой степени во всей Европѣ, а внутри торговля наша процвѣтала.

Мы не споримъ, впрочемъ, что, принимая во вниманіе положеніе и степень народнаго богатства нашего общества, было бы, можетъ быть, и лучше, вмѣсто цѣльнаго рубля принять платежною единицею его четвертакъ; но спрашиваемъ, какъ было это сдѣлать безъ потрясенія всѣхъ счетныхъ понятій народа, привыкшаго, болѣе или менѣе, считать рублями? Это вопросъ, еще не всѣми одинаково разрѣшаемый, и, во всякомъ случаѣ, рѣшиться на такую мѣру вдругъ, безъ ощупи, безъ пробъ, требующихъ времени, едва ли было возможно для Канкрина: а между тѣмъ обстоятельства и настоянія князя Любецкаго, лица столь вліятельнаго въ высшемъ кругу общества, и многихъ другихъ лицъ, требовали немедленнаго установленія постояннаго курса.

Въ связи съ этою новою мѣрою и переходомъ къ изъятію изъ обращенія прежнихъ ассигнацій былъ выпускъ депозитныхъ билетовъ. 1-го января 1840 года открыта была въ Коммерческомъ банкѣ депозитная касса. Банкъ, принимая отъ вкладчиковъ на сохраненіе суммы серебряною и

золотою монетою, чеканенною въ Имперіи, выдавалъ безпроцентные билеты, называемые депозитными: 3-хъ, 5-ти, 10-ти, 25-ти, 50-ти и 100 рублеваго достоинства. Получаемая, подъ эти билеты, звонкою монетою, сумма, хранившаяся въ депозитной кассѣ, предназначалась собственно для размѣна депозитныхъ билетовъ, по требованію вкладчиковъ. Депозитные билеты имѣли естественно свободное обращеніе во всей Имперіи, на равнѣ съ серебряною монетою, безъ всякой прибавки и платы за размѣнъ, потому что при предъявленіи ихъ въ казначейство оно обязано было тотчасъ, безъ всякаго затрудненія, обмѣнивать ихъ на звонкую монету и имѣло полную для этого возможность, опираясь на депозитную кассу. Поводы, побудившіе Канкрина къ этой операціи, были предъявлены публикѣ въ оффиціальной газетѣ съ тою ясностію, которою отличались всѣ изложенія его распоряженій. Объявленіе это, доказывающее основательность соображеній министра, увѣнчало операцію полнымъ успѣхомъ.

Въ 1840 году въ депозитной кассѣ принято было золотой и серебряной монеты въ обмѣнъ на билеты 25,623,037 руб., а обратно представлено было билетовъ, для размѣна на монету, 1,453,637 руб. Въ 1841 году разрѣшено принимать золото въ слиткахъ, что увеличило кассу еще на 12,780,144 руб., и на столько же увеличилось депозитныхъ билетовъ въ обращеніи. Канкринъ былъ твердо увѣренъ въ успѣхѣ предпринятой мѣры и предсказанія его вполнѣ оправдались. Депозитные билеты не только пользовались всеобщимъ кредитомъ, но были предпочитаемы даже монетѣ. Впрочемъ, какъ уже было замѣчено, выпускъ депозитныхъ билетовъ былъ только преддверіемъ, пробою замѣны старыхъ ассигнацій новыми, названныхъ кредитными

билетами. Когда публика привыкла къ депозитнымъ билетамъ и убѣдилась, что размѣнивать ихъ на монету безполезно, тогда, вмѣсто депозитныхъ билетовъ, выпущены были кредитные, а первые уничтожены. Нельзя не удивляться обнаруженной при этомъ графомъ Канкринымъ осмотрительности. Какъ ни увѣренъ онъ былъ, что задуманныя имъ операціи соображены вѣрно и основательно, но все таки счелъ своею обязанностію принять всѣ мѣры осторожности, и прежде, нежели пустить въ ходъ дѣло во всемъ его широкомъ объемѣ, онъ сначала испробовалъ его въ ограниченномъ видѣ, соблюдая постепенность и не подвергаясь ни малѣйшему риску потерпѣть неудачу. И такъ прежде, нежели приступить къ отмѣнѣ ассигнаціонныхъ билетовъ, были выпущены на пробу депозитные билеты, которые весьма скоро приготовили публику къ этой перемѣнѣ. Всего важнѣе въ этой предварительной мѣрѣ было то, что онъ скопилъ ею огромный монетный фондъ, который давалъ ему возможность, *не потрясая курсовъ*, открыть размѣнъ на монету.

1-го іюня 1843 года послѣдовалъ манифестъ объ уничтоженіи прежнихъ ассигнацій и замѣнѣ ихъ новыми кредитными билетами, которые банкъ не только обѣщалъ размѣнивать, но и дѣйствительно размѣнивалъ на монету, по требованію. Въ банкахъ для этой послѣдней цѣли положенъ былъ размѣнный фондъ монетою, 28,500,000 рублей, какъ видно изъ манифеста, а остальной скопившійся фондъ, какъ резервный капиталъ, былъ перевезенъ въ Петропавловскую крѣпость.

И дѣйствительно Канкринъ могъ теперь рѣшиться, безъ всякаго колебанія, на открытіе размѣна, потому что при свободномъ размѣнѣ депозитныхъ билетовъ фондъ не только не истощался, но постепенно увеличивался.

*

Первый резервный капиталъ, перевезенный въ Петропавловскую крѣпость, повѣренный при сановникахъ и депутатахъ отъ дворянства и отъ купечества, составилъ 263 милліона франковъ, и этотъ резервъ возросъ черезъ три года до 470 милліоновъ франковъ [1]). Въ то время на всемъ земномъ шарѣ не было ни одного государства, у котораго было бы столько *резерва*; за то и фонды наши на всѣхъ рынкахъ Европы стояли выше всѣхъ другихъ облигацій. Столь значительное увеличеніе фонда дало возможность Канкрину ассигновать банкамъ 30 милліоновъ кредитными билетами,

---

[1]) Такъ сказано въ упомянутой уже выше статьѣ Journal de St. Pétersbourg. Приводимъ, изъ другихъ источниковъ, болѣе подробныя, и болѣе точныя цифры.

Перевозка звонкой монеты изъ бывшихъ депозитной кассы и экспедиціи кредитныхъ билетовъ въ запасную кладовую въ Петропавловской крѣпости началась въ первый разъ въ 1844 г., и было перевезено:

Въ 1844 году:

Серебристаго золота въ слиткахъ на . .	5.187,312	р. 54	к.
Серебряныхъ слитковъ	1.886,933	» 45	»
Золотой монеты съ 3%.	13.390,000	» —	»
Серебряной монеты	50.000,000	» —	»
	70.464,245	р. 99	к.

Въ 1845 году:

Золотой монеты съ 3% на.	6.180,000	р. —	к.
Серебряной монеты	6.000,000	» —	»
	12.180,000	р.	к.

Въ 1846 году:

Золотой монеты съ 3%.	10.815,000	р. —	к.
Слитками.	890,725	» 28	»
	11.705,725	р. 28	к.

Въ 1847 году:

Въ маѣ:

Золотой монеты съ 3% на.	11.845,000	р. —	к.
Слитками.	805,054	» 72	»
	12.650,054	р. 72	к.

для увеличенія ихъ кредитныхъ операцій, столь необходимыхъ тогда для развитія производительныхъ силъ государства, и въ 1841 году выпущено было на сей предметъ на 10 милліоновъ билетовъ [1]).

Таковы были финансовыя реформы Канкрина, столь успѣшно окончившіяся и поставившія такъ высоко нашъ кредитъ. Извѣстно, какое значеніе въ глазахъ всей Европы придали намъ финансовыя мѣры Канкрина и сопровождавшееся ими развитіе торговли, народной промышленности и вообще народнаго богатства Россіи. Но, чтобы вполнѣ оцѣнить заслуги управленія Канкрина, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, необходимо, хотя кратко, разсмотрѣть обстоятельства нашей торговли и промышленности во времена предшествовавшія.

Въ продолженіи столѣтій англійская торговля господствовала надъ внутреннею торговлею Россіи. Еще въ XVI столѣтіи утвердилась англійская компанія въ Архангельскѣ,

---

Въ октябрѣ:

Золотой монеты съ 3% на.	5.150,000 р. — к.
Слитками	3.528,569 » 20 »
	8.678,569 р. 20 к.
Всего	115.678,595 р. 19 к.

[1]) Манифестомъ 1-го іюля 1841 года, для облегченія оборотовъ кредитныхъ установленій и для умноженія съ тѣмъ вмѣстѣ легкоподвижныхъ знаковъ, установлены кредитные билеты въ 50 р. и повелѣно выпустить ихъ 30 м. р., изъ коихъ назначено: 15 м. р. для московской сохранной казны, 8 для С.-Петербургской и 7 для заемнаго банка. Но билетовъ этихъ на первый разъ было выпущено только на 10 м. р., которые и оставлены въ оборотномъ капиталѣ означенныхъ мѣстъ; 20 же милл., отчислены въ запасный капиталъ и выпускъ ихъ предоставленъ особому усмотрѣнію (впослѣдствіи, какъ извѣстно, постепенно выпущены и эти 20 м. р.). Объ этомъ упомянуто въ манифестѣ 1-го іюня 1843 г.

гдѣ она скупала лѣсъ, мѣха, сало, кожи, воскъ, медъ, которые доставлялись въ этотъ портъ изнутри Имперіи. Изъ Архангельска англичане подвинулись въ верхъ по сѣверной Двинѣ и постепенно дошли до Москвы, гдѣ основали контору. Расширяя далѣе свои торговыя операціи, они завели также конторы въ Вологдѣ, Ярославлѣ, Тулѣ, въ Казани, и, наконецъ, въ Астрахани. Они строили большія суда на Волгѣ, и даже корабли для плаванія на Каспійскомъ морѣ.

Въ то время, впрочемъ, англійская торговля, не смотря на ея господство, приносила Россіи существенную пользу. Отечество наше находилось тогда на такой низкой степени образованности и промышленнаго развитія и, не цѣня почти ни во что труда, могло добывать и производить столько излишковъ сырыхъ продуктовъ и матеріаловъ, что учители торговли и требователи этихъ сырыхъ товаровъ были для предковъ нашихъ безусловно необходимы. Впрочемъ уже Петръ Великій начиналъ тяготиться этой монополіей англичанъ и, съ одной стороны, стремился всѣми силами развить въ Россіи самостоятельную промышленность и торговлю, а съ другой, установленіемъ сношеній съ разными иностранными націями — парализировать почти исключительное владычество Англіи. Послѣ основанія петербургскаго порта и завоеванія береговъ Балтійскаго моря и Финскаго залива, онъ поспѣшилъ открыть порты для всѣхъ иностранцевъ. Но и тутъ англичане не мало выиграли. До этихъ поръ торговля Балтійскаго моря была въ рукахъ ганзейскихъ городовъ и голандцевъ. Теперь и англичане сдѣлались, въ открытыхъ Россіей портахъ, участниками торговли и скоро, благопріятствуемые своимъ мореходнымъ уставомъ, всю силу котораго тогда мало понимали и другія націи, такъ сильно распространили ее, что на Балтійскомъ морѣ взяли пе-

ревѣсъ надъ всѣми другими націями, получали и здѣсь большія выгоды. Англичане привозили въ Россію свои сукна, мелочныя издѣлія, колоніальныя, бакалейныя товары, разныя водки, французскія, испанскія и португальскія вина и произведенія Италіи, Германіи и всей Европы; а вывозили изъ Россіи хлѣбъ въ зернѣ, пушные товары, корабельные запасы, какъ-то. мачты, строевой лѣсъ, полотна, желѣзо, сало, пеньку и смолу и т. п.

Такимъ образомъ торговля съ Россіей снабжала Англію всѣми средствами для развитія ея военнаго и торговаго флота, что было для нея чрезвычайно важно. Между тѣмъ, англичане заводили внутри Россіи тѣ фабрики и тѣ производства, для которыхъ по тогдашнему времени, когда механика не сдѣлала настоящихъ успѣховъ, требовалось много ручной работы, обходившейся у насъ, по дешевизнѣ наемной платы и жизненныхъ припасовъ, $^2/_3$ дешевле, нежели въ Англіи. Петръ Великій воспользовался и этимъ направленіемъ торговли. Онъ особенно поощрялъ это переселеніе иностранцевъ въ Россію, переносившихъ къ намъ прочнымъ образомъ свои денежные, вещественные и умственные капиталы. Самый тарифъ имъ былъ такъ соображенъ, чтобъ иностранцы имѣли въ виду огражденіе отъ внѣшняго подрыва устраиваемыхъ ими въ Россіи заведеній. Точно также поощрялъ онъ и русскихъ промышленныхъ дѣятелей, заботясь объ охраненіи ихъ интересовъ.

Екатерина II шла по тому же пути. Привлекая иностранцевъ для развитія у насъ промышленностей, она тѣмъ не менѣе поощряла внутреннихъ дѣятелей и ограждала національный трудъ отъ внѣшняго подрыва. Однако даже въ теченіи второй половины XVIII столѣтія большая часть русской торговли была еще въ рукахъ англичанъ. Они были

въ Петербургѣ и продавцами и покупателями сырыхъ товаровъ, мѣняемыхъ на англійскія издѣлія, и коммерческими агентами, дѣйствовавшими въ пользу иностранныхъ интересовъ, и заимодавцами подъ залоги, и банкирами; они впередъ снабжали подъ закупленные товары деньгами русскихъ торговцевъ и приводили въ движеніе всю оптовую торговлю на петербургской биржѣ. Англичане понимали всю выгоду своего положенія и желаніе сохранить получаемые ими отъ торговли съ нами выгоды было одною изъ главныхъ причинъ уступчивости и снисходительности англійскаго кабинета въ отношеніи политики Россіи. Такъ извѣстно, что Англія сама даже поддерживала замыслы императрицы противъ Турціи. И въ самомъ дѣлѣ, торговля съ Россіей была въ то время, для англичанъ важнѣе торговли леватской, такъ какъ торговля въ Средиземномъ и Черномъ моряхъ была почти исключительно тогда въ рукахъ генуезцевъ, венеціанцевъ и французовъ.

Впрочемъ одно время, казалось, приходилъ конецъ англійской монополіи въ Россіи. Въ декабрѣ 1786 года заключенъ былъ торговой договоръ Россіи съ Франціею, въ духѣ ея истинныхъ торговыхъ интересовъ. Но, къ сожалѣнію, это продолжалось не долго. Вслѣдствіе безпорядковъ, произведенныхъ французскою революціей, явился, въ концѣ царствованія Екатерины II, указъ, запрещавшій всѣ торговыя сношенія Россіи съ Франціей.

Однакожъ, какъ ни значительны были торговыя преимущества Англіи, не только внутренняя торговля Россіи развивалась въ это царствованіе, равно какъ учреждались внутри Россіи промышленныя заведенія, но и сами русскіе купцы начали строить въ портахъ не мало кораблей и открывать конторы, соперничествовавшія съ иностранными.

Такъ въ Колѣ и Архангельскѣ было много русскихъ кораблей, изъ коихъ нѣкоторые ходили не рѣдко на Шпицбергенъ. Въ 1786 году считалось въ Архангельскѣ до 30 русскихъ купеческихъ домовъ, отправлявшихъ товары за границу на своихъ корабляхъ; появились также десятки русскихъ кораблей и въ балтійскихъ портахъ.

Въ царствованіе Императора Павла I, трактатомъ заключеннымъ съ Англіей о правахъ морской торговли и основанномъ, казалось, на взаимныхъ выгодахъ, положено было начало паденію нашей внѣшней торговли на русскихъ судахъ и уничтоженію въ Архангельскѣ русскихъ конторъ, которыя замѣнились не многими иностранными.

Съ тѣхъ поръ, и до самаго Тильзитскаго мира, англійское вліяніе на торговлю нашу имѣло постоянный перевѣсъ. И это было неизбѣжно, ибо Россія не имѣла ни самостоятельнаго флота, могущаго перевозить огромныя массы ея натуральныхъ произведеній и привозить товары и плоды юго-западной Европы и другихъ отдаленныхъ странъ, съ которыми наше купечество почти не имѣло прямыхъ сношеній. Россія не имѣла также и достаточно мануфактуръ, могущихъ удовлетворить потребностямъ страны.

Во время Тильзитскаго мира Александръ I присоединился къ континентальному союзу противъ Англіи. Мгновенное уничтоженіе торговли съ Англіей не могло не произвести въ Россіи сильнаго переворота въ ея хозяйственныхъ и торговыхъ интересахъ. Купечество русское, не приготовленное къ такому перевороту, не могло разсчитать заблаговременно на дороговизну привозныхъ товаровъ и на упадокъ цѣнъ на внутреннія произведенія за невозможностію ихъ сбыта. Русскіе купцы привыкли также пользоваться англійскимъ кредитомъ, который вдругъ и неожиданно исчезъ.

Все это было разорительно какъ для Англіи, такъ въ то же время и для Россіи. Россія принуждена была сама обработывать свои сырые товары и устроивать для того фабрики; это обстоятельство оживило правда уснувшую было у насъ промышленную дѣятельность, подавляемую до того времени господствомъ англійской торговли; но оживленіе это не въ силахъ еще было поддержать вообще наше финансовое и хозяйственное положеніе. Курсъ нашихъ ассигнацій съ 1805 года началъ сильно падать и особенно во время континентальной системы; сначала, вслѣдствіе требованій монеты на военныя дѣйствія, потомъ отъ затрудненія вывоза нашихъ продуктовъ. Императоръ Александръ I, конечно, не могъ хладнокровно смотрѣть на разореніе своихъ подданныхъ, и въ то же время финансовое положеніе государства побуждало его къ принятію мѣръ для выхода изъ такого тягостнаго положенія. Въ виду этихъ обстоятельствъ онъ рѣшился издать указъ, (30 декабря 1819 г.), которымъ открылъ Архангельскій, Рижскій, Ревельскій и Петербургскій порты къ привозу всѣхъ товаровъ, доставляемыхъ изъ Тенерифа. Этимъ указомъ императоръ Александръ I, въ сущности, нарушилъ континентальную систему потому, что Англійскіе корабли, подъ флагомъ Тенерифа, вошли въ русскіе порты и Англія возстановила свои коммерческія сношенія съ Россіей. Это и было истинною причиною войны 1812 года.

Въ теченіи этого времени англійская политика не дремала, а извѣстный политико-экономъ Шторфъ послужилъ ей важнымъ сподвижникомъ въ Россіи, проповѣдуя принципы такъ называемой свободной торговли, которые такъ способствовали Англіи господствовать во многихъ странахъ надъ внутренней туземной торговлей и промышленностью.

По возстановленіи мира, европейскія государства послушались было англійской торговой политики и ввели у себя довольно либеральные тарифы; но скоро увидѣли свою ошибку и обратились къ покровительственной системѣ, возстановивъ болѣе или менѣе запретительные тарифы. Одна Россія упорно продолжала держаться безусловнаго приложенія принциповъ, проповѣдуемыхъ Шторхомъ и своими тарифами, особенно въ 1817 и 1819 годахъ, открыла иностранцамъ всѣ средства къ подавленію русскихъ мануфактуръ, а за симъ и большей части своихъ внутреннихъ промышленностей. Россія дорого заплатила за эти опыты, обнаруживавшіе какъ вредно, даже при самыхъ великодушныхъ намѣреніяхъ, которыми проникнутъ былъ императоръ Александръ I, рѣшаться безусловно примѣнять теоретическіе принципы, не обращая вниманія на положеніе и условія своей страны.

Континентальная система имѣла непредвидимыя послѣдствія. Съ одной стороны она возбудила промышленную дѣятельность во всемъ континентѣ средней Европы и даже въ Россіи; а съ другой—эта система заставила Англію искать для своего продовольствія другихъ источниковъ и обратить болѣе вниманія на свое внутреннее земледѣліе, которое до тѣхъ поръ было не въ цвѣтущемъ положеніи. Источники, доставляющіе ей сырые продукты, найдены были помимо Россіи, и, такимъ образомъ, страны, производящія однородные съ нею продукты, сдѣлались естественными ея конкурентами. Вмѣстѣ съ тѣмъ англичане обратились къ покровительству усовершенствованій своего земледѣлія, для чего и были установлены перемѣнныя пошлины на привозимые и складываемые въ Англію хлѣбные товары. Какъ ни упорствовала Россія въ своемъ великодушномъ напра-

вленіи, но и она должна была наконецъ измѣнить свой тарифъ. Извѣстно, что С. Петербугскій портъ производитъ большую половину всей заграничной нашей торговли; а въ этомъ порту она представляла слѣдующій результатъ въ 1820 году:

Привезено было въ Россію чрезъ этотъ портъ товаровъ на сумму . . . . 190.388,897 руб.
Вывезено было изъ Россіи чрезъ этотъ портъ. . . . . 105.085,929 —

Эти цифры были многозначущи...

Наконецъ, поручено было чрезвычайной коммисіи опредѣлить, какія мѣры слѣдуетъ принять при существующихъ обстоятельствахъ? Она засѣдала нѣсколько мѣсяцевъ; а пока она обсуждала и составляла свои проекты, въ Петербургѣ появилось обстоятельное изложеніе причинъ, побудившихъ правительство издать новый таможенный тарифъ.

Упомянувъ все, что Россія сдѣлала въ пользу принциповъ свободной торговли, сочинитель упомянутой нами статьи говоритъ: «Правительство Россіи надѣялось, что предпринятыя имъ правила будутъ столько же благотворны въ своемъ примѣненіи, сколь казались справедливыми въ теоріи; но вотъ что ему кажется неоспоримымъ, что они должны равномѣрно быть принятыми всѣми государствами и что государство, которое имъ слѣдуетъ, въ то время, какъ другія страны отвергаютъ ихъ, такое государство добровольно присуждаетъ свою промышленность и торговлю платить раззоряющую дань, въ пользу промышленности и торговли другихъ странъ».

Сочинитель вспоминаетъ также и о тѣхъ намѣреніяхъ великихъ державъ, которыя существовали въ 1815 году,

не умалчивая и о исключеніяхъ, кои, въ послѣдствіи, ими были допущены, и продолжаетъ: «По мѣрѣ того какъ протекціонная система развивается и совершенствуется въ другихъ странахъ, государство, слѣдующее противному направленію, должно понести преимущественныя и значительнѣйшія жертвы. Оно открываетъ всѣ порты свои иностраннымъ произведеніямъ, а въ свою очередь находитъ закрытыми всѣ тѣ порты, куда по обыкновенію сбывало свои продукты. Оно безпрестанно благопріятствуетъ мануфактурамъ чужихъ странъ, собственныхъ же своимъ мануфактуристовъ обрекаетъ вступать въ борьбу съ иностранными конкурентами, въ которой первые по обыкновенію погибаютъ. Сельское хозяйство безъ сбыта, промышленность безъ покровительства, засыпаютъ и наконецъ совсѣмъ упадаютъ; звонкая монета выходитъ за границу, торговые дома, даже самые солидные, потрясены. Общественное благосостояніе не замедлитъ почувствовать убытки, нанесенныя частнымъ капиталистамъ, и если новые законы не будутъ въ состояніи вскорѣ измѣнить настоящее положеніе дѣлъ, то Россія, столь много содѣйствовавшая водворенію общаго мира, съ его благотворными послѣдствіями, — Россія одна будетъ изъята отъ вкушенія сихъ общихъ Европейскихъ выгодъ. А это тѣмъ еще чувствительнѣе, что выгоды сіи увеличиваютъ богатство другихъ странъ въ ущербъ собственнаго внутренняго благоденствія имперіи».... «Въ подобномъ положеніи правительство наше не должно было долго колебаться при избраніи новыхъ рѣшительныхъ мѣръ. Оно рѣшило опубликовать новый таможенный тарифъ, коимъ, при ввозѣ въ Россію, обложатся иностранные товары. Составленіе сего новаго тарифа предшествуемо было всевозможными изысканіями, дабы столь важная реформа бузусловно

основана была на существенныхъ потребностяхъ и истинныхъ интересахъ народной промышленности. Не уничтожая послѣдствій сего полезнаго преобразованія, и источника всѣхъ улучшеній чрезмѣрнымъ распространеніемъ запретительной системы, а съ другой стороны, не дозволяя вновь возродиться неограниченному соревнованію конкуренцій, коихъ послѣдствія намъ были столь пагубны, правительство въ новый таможенный уставъ дозволило ввести нѣкоторыя исключительныя распоряженія, который допускаются торговыми уставами всѣхъ державъ.»

«Покровительствовать цвѣтущую и благоденствующую промышленность; благопріятствовать заведеніямъ, кои съ наибольшею пользою могутъ образоваться. Уравновѣсить пошлины съ предметовъ, на которые онѣ будутъ наложены, и самое количество предметовъ, которые Россія производитъ или въ состояніи производить сама; предупреждать обманъ строгими и справедливыми законами. Вотъ благородная цѣль Государства Россійскаго и таковы были основныя правила, которыхъ она держится!»

Такими то обстоятельствами Россія была вынуждена установить, такъ называемый многими, запретительный тарифъ 24 Марта 1822 года, и благотворныя послѣдствія доказали, что онъ былъ необходимъ для Россіи. Даже Г. Тенгоборскій, этотъ упорный защитникъ свободной торговли, соглашался, что этотъ тарифъ былъ необходимъ въ то время.— Конечно такое согласіе не мѣшало его цѣли, потому что онъ доказывалъ тогда (въ сороковыхъ годахъ), что тарифъ этотъ уже не своевременъ и требовалъ значительныхъ въ немъ пониженій, чего и достигъ въ послѣдствіи. Современны ли были въ самомъ дѣлѣ эти перемѣны и осо-

бенно перемѣны 1857 года, — это доказываютъ послѣдствія и настоящее положеніе нашей внутренней торговли.

Тарифъ 24 марта былъ введенъ въ исполненіе за годъ до вступленія Канкрина въ должность Министра. — Слѣдственно нельзя приписать ему всю честь введенія этой благодѣтельной мѣры. Она скорѣе была уступкою общественному мнѣнію того времени. Но какъ мнѣнія Канкрина не могли быть не уважены, а извѣстно, что онъ, до вступленія своего въ Министерство, подавалъ даже совѣты многимъ членамъ Коммиссіи, составлявшей этотъ тарифъ, то нельзя не отнести и къ нему эту честь и дань благодарности потомства. И дѣйствительно воспоминаніе объ этомъ важномъ событіи неразлучно въ общей памяти съ именемъ Канкрина, основателя промышленнаго и мануфактурнаго развитія въ Россіи.

Хотя вопіющіе противъ этого тарифа иностранцы стращали насъ, что съ увеличеніемъ пошлины они увеличатъ контрабанду; однакожъ это отнюдь не оправдалось на дѣлѣ. Сколько ни старались они ей покровительствовать, контрабандисты понесли большіе убытки и премію организованныхъ страховыхъ для контрабанды обществъ на нашихъ границахъ должно было значительно возвысить, во время управленія Министерствомъ, Графа Канкрина и Департаментомъ внѣшней торговли Г. Бибикова. Этотъ неуспѣхъ контробанды доказывается также тѣмъ, что таможеные доходы увеличились въ трое, и мануфактурная промышленность процвѣтала, не смотря на утверждаемую прежде неспособность народа русскаго къ занятіямъ этого рода. Со введеніемъ этого тарифа не мало иностранцевъ постепенно пріѣзжало и поселялось въ Россіи для заведенія своихъ фабрикъ на собственный счетъ или для управленія и руководства

работами. Эти иностранцы находили русскій народъ особенно способнымъ къ ремесленнымъ и фабричнымъ работамъ. Но въ угоду фритредеровъ способности эти должны были бездѣйствовать и погибать, особенно въ продолжительное зимнее время, когда покрытая снѣгомъ земля воспрещала земледѣліе и, такимъ образомъ, сама природа приказывала обратиться къ промышленности.

Чтобы судить правильнѣе о тарифѣ 24 марта, обратимся къ замѣчательному сочиненію Канкрина: «Экономія человѣческихъ обществъ», напечатанному послѣ его смерти, въ 1845 году, и составляющему какъ бы его финансовое завѣщаніе.

Упоминая о тарифѣ 24 марта, Графъ говорилъ: «издатель этого сочиненія мало по малу постепенно исправлялъ и усовершенствовалъ этотъ тарифъ. Онъ уничтожилъ нѣсколько запрещеній, уменьшилъ нѣкоторыя пошлины, поднялъ другія въ пользу доходовъ и необходимаго покровительства мануфактуръ, и измѣнилъ таможенный уставъ во многихъ пунктахъ».

«Эта система конечно не очень затрудняла привозъ внѣшней торговли, когда ежегодные доходы таможень, коихъ значительная часть поступала съ привоза предметовъ заграничныхъ фабрикъ, съ 1823 года утроились».

«До 1823 года мало подавлялась контробанда, которая доставляла значительные доходы нашимъ западнымъ сосѣдямъ. Не только на таможенныхъ линіяхъ, но даже въ конторахъ и портахъ, контробанда производилась въ неимовѣрномъ объемѣ. Свидѣтельства выставлялись двойныя; даже были сообщники контробандистовъ между таможенными надсмотрщиками.—Издатель сочиненія большею частію перемѣ-

нилъ служащихъ лицъ при таможняхъ, ибо хорошее мѣсто при таможнѣ тогда считалось большимъ достояніемъ».

Исчисливъ мѣры, имъ введенныя, Канкринъ продолжаетъ: «Посредствомъ этихъ мѣръ, уменьшили контробанду по возможности, особенно ту, которая производилась въ конторахъ таможень; и это не сдѣлано такъ, чтобъ затруднить доступъ въ Россію; туристы могутъ засвидѣтельствовать, что нигдѣ съ путешественниками не обращаются учтивѣе и вѣжливѣе, чѣмъ на нашихъ границахъ».

«Отъ принятыхъ строгихъ мѣръ контробанда сдѣлалась сопряженною съ большею опасностію, преміи застрахованій стали дороже. Извѣстный классъ людей, промышляющихъ въ пограничныхъ странахъ, понесъ значительные убытки; оттуда и всѣ ихъ жалобы, распространившіяся въ книгахъ и журналахъ. Есть же люди, коимъ нравится утверждать, что мануфактурная промышленность Россіи имѣетъ лишь искусственное существованіе. Увлеченные умы доходятъ даже до того, что удивляются великой несправедливости Россіи, пекущейся преимущественно объ интересахъ своей страны, вовсе забывая другія страны».

Слѣдующія строки заслуживаютъ особеннаго вниманія:

«Въ заблужденіи тотъ, кто воображаетъ, что русская промышленность существуетъ лишь помощію своего правительства. Промышленность эта сильна сама собою и вотъ уже 25 лѣтъ, какъ не сдѣлано ни одной важной жертвы, для поддержанія отечественныхъ фабрикъ. Этой цѣли достигли совсѣмъ инымъ образомъ. Съ 1823 года приняты всѣ возможныя мѣры для усовершенствованія промышленности. Издаются: «Комерческая газета», «Мануфактурный журналъ»; за границею держали агентовъ, чтобъ узнавать всѣ новѣйшія открытія и усовершенствованія; заведена правиль-

ная выписка узоровъ изъ за границы; привлечены въ Россію искусные мастера, учрежденъ Мануфактурный совѣтъ съ отдѣленіями и корреспондентами. Основанъ большой технологическій институтъ и промышленныя школы; установлены посылка молодыхъ людей за границу, ежегодныя выставки предметовъ промышленности, въ Москвѣ и Петербургѣ, съ назначеніемъ наградъ за отличіе; безплатныя школы рисованія; изданъ Уставъ, улучшающій полицейскій надзоръ работъ и много другихъ мѣръ, о которыхъ я умалчиваю».

«Все сіе способствовало къ увеличенію познаній, ревности,—словомъ къ усовершенствованію методы, развивающей природныя дарованія народа, чтобъ довесть промышленность Россіи до нынѣшней степени улучшенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ умѣрить цѣны нѣкоторыхъ употребительнѣйшихъ предметовъ. Если до сихъ поръ промышленность русская еще немного и отстала въ произведеніяхъ высшихъ качествъ, то она достигла совершенства въ предметахъ качества средняго и низшаго. Простыя сукна Россіи лучше и недороже простыхъ суконъ Франціи. Заводы бумажныхъ тканей и бумагопрядильни на лучшемъ пути развитія; что же касается до шолковыхъ издѣлій, то Ліонъ, единственный городъ, съ которымъ Россія не можетъ соперничать. Петербургъ и Москва наполнены фабриками. Бронзы Петербурга, если и уступаютъ парижскимъ въ нѣкоторой изящности формъ, за то они лучшей работы, позолота прочнѣе, хотя за то немного и дороже. Если завсѣмъ этимъ нѣкоторые, даже серьезные писатели, описываютъ промышленность Россіи, какъ искусственную, то это должно объяснить единственно эпидемическимъ вліяніемъ мечтаній о свободной торговлѣ».

Кромѣ справедливаго изложенія результатовъ нашего дви-

нувшагося развитія мануфактурной дѣятельности и вообще успѣховъ промышленности, въ этихъ строкахъ намъ интересны также взгляды и направленіе дѣйствій самаго министра, который, пользуясь покровительствованной системой, не оставлялъ и другихъ средствъ для достиженія той же цѣли.

Въ царствованіе императора Николая люди спеціально приготовленные стекались въ Россію со всѣхъ сторонъ; особенно изъ Англіи и Германіи, чтобъ пользоваться у насъ тѣми выгодами, которыя были поддерживаемы правительствомъ. Они съ полною увѣренностію переселяли къ намъ свои денежные и нравственные капиталы, такъ содѣйствовавшіе возвышенію нашего богатства и такъ способствовавшіе развитію нашихъ производительныхъ силъ.

Сначала успѣшному сооруженію фабрикъ въ Россіи предстояло много препятствій. У насъ не было почти вовсе механическихъ заведеній, кромѣ небольшой мастерской на Александровской мануфактурѣ и литейнаго завода Берта, которые заняты были разными Петербургскими заказами и не могли сооружать по внутреннему требованію многочисленныхъ машинъ; а выписка ихъ изъ Англіи сопряжена была съ большимъ рискомъ, такъ какъ вывозъ ихъ оттуда былъ воспрещенъ. Лишь только въ 1842 году это запрещеніе было снято и то потому, что Бельгійскія машинныя фабрики грозили овладѣть Европейскими рынками.

Но потомъ, когда мы обзавелись съ большимъ трудомъ разными машинами, наши суконныя, прядильныя, ткатцкія, ситцевыя и шолковыя фабрики стали быстро развиваться и совершенствоваться.

Съ тѣмъ вмѣстѣ графъ Канкринъ, зная, что одного покровительства недостаточно, учредилъ технологическій и лѣсной институты и усовершенствовалъ горный институтъ

для развитія спеціальныхъ знаній научнымъ путемъ, и на эти институты графъ Канкринъ обращалъ особенное вниманіе.

Въ такомъ положеніи оставилъ Канкринъ развитіе у насъ промышленности, сойдя въ могилу въ 1845 году.

Между тѣмъ разрѣшеніе англичанами вывоза изъ Англіи машинъ подвинуло у насъ быстро это развитіе, особенно въ хлопчатобумажномъ дѣлѣ. Шолковое послѣ 1850 года пріостановилось, а съ 1858 года многое, очень многое у нас остановленно или очень, очень тихо подвигается, когда напротивъ того въ западной Европѣ сдѣланы чрезвычайные успѣхи, какъ въ усовершенствованіяхъ, такъ и въ количественномъ развитіи промышленныхъ дѣлъ. Иностранцы далеко ушли отъ насъ впередъ въ теченіе послѣднихъ 6 лѣтъ. Но и въ этотъ тяжелый для насъ періодъ геній Канкрина не оставляетъ насъ. Вслѣдствіе даннаго имъ направленія промышленной дѣятельности, въ первое время послѣ него и до 1857 года, она быстро развивалась на мануфактурномъ поприщѣ; а съ тѣхъ поръ, хотя нѣтъ болѣе прочнаго переселенія къ намъ иностранныхъ капиталовъ, водворяющихъ фабрики и промышленныя заведенія и переносящихъ тамошнее искусство и усовершенствованія, потому что нѣтъ болѣе прежней для этого переселенія гарантіи; но то, что есть уже у насъ, продолжаетъ поддерживаться хотя и съ большимъ трудомъ, почти исключительно воспитанниками графа Канкрина или устроеныхъ имъ заведеній. Ими то устроены у насъ значительныя механическія заведенія, сооружающія морскія и рѣчныя пароходныя флотиліи. Но если бы необходимыя для этого познанія не были имъ переданы съ успѣхомъ въ разсадникахъ, о которыхъ Канкринъ прилагалъ такое попеченіе, то конечно нельзя бы ожидать этого результата. Какъ, съ какимъ успѣхомъ и ка-

кими средствами они будутъ поддерживаться и успѣвать далѣе? Это другой вопросъ, разрѣшеніе котораго зависитъ отъ настоящихъ распоряженій и дѣйствій правительства; но что касается Конкрина, то всѣ настоящія послѣдствія его прежнихъ распоряженій достаточно говорятъ въ его пользу и память его для Россіи останется въ исторіи мануфактурной промышленности незабвенна.

Нельзя не обратить вниманія читателей на особенную отрасль нашей промышленности, которая попеченіями Канкрина такъ быстро развилась. Это на золотопромышленность, которая по случаю умноженія нашихъ иностранныхъ долговъ, теперь намъ особенно необходима. До 1823 года золота добывалось у насъ на частныхъ промыслахъ и горными заводчиками менѣе 70 пудъ, а въ 1845 году добыто было ими болѣе 1000 пудъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ Канкринъ желалъ содѣйствовать усовершенствованіямъ въ земледѣліи, хотя и сознавалъ, что для этого страна еще мало скопила капиталовъ, и что крѣпостной трудъ служитъ неодолимымъ къ тому препятствіемъ. Его вліяніемъ, подъ его руководствомъ, и съ пособіемъ отъ казны, издавалась «Земледѣльческая газета», въ которую онъ помѣщалъ своего сочиненія замѣчательныя статьи, напр. о раздѣленіи Рссіи на поясы по климату и произведеніямъ почвы, чѣмъ и началась эта газета, которая продавалась по рублю за годовое изданіе, дабы сдѣлать ее доступною для всѣхъ, кто только въ состояніи читать.

Онъ чрезвычайно поощрялъ способныхъ людей и старался объ ихъ образованіи; отправлялъ ихъ на лучшія Европейскія металлургическія и мануфактурныя заведенія. Плодомъ такого направленія учебныхъ заведеній по вліянію Канкрина можно назвать извѣстную усовершенствованную домну

генерала Рашета и изобрѣтеніе Обуховской стали, которыми мы теперь только пользуемся, и которые конечно составятъ эпоху въ этого рода искусствѣ.

Конкринъ весьма благопріятствовалъ также ученымъ миссіямъ и такому содѣйствію его обязана наука учрежденіемъ въ разныхъ краяхъ Россіи магнитныхъ обсерваторій, которыя такъ много способствовали разрѣшенію важной для науки задачи—изслѣдованія силы притяженія земнаго шара. Весьма лестную награду за это онъ получилъ во французской академіи. Въ 1845 году онъ, весьма просто одѣтый, вошелъ въ эту академію и помѣстился въ числѣ слушателей, во время публичнаго засѣданія. Араго, случайно узнавъ о присутствіи графа, объявилъ громогласно объ этомъ собранію и торжественно благодарилъ его, отъ имени ученаго собранія, за благородное содѣйствіе ученымъ трудамъ, расширившимъ границы науки. Всѣ члены академіи, вставши съ почтеніемъ, пригласили графа занять мѣсто между ними и приняли его въ среду свою, какъ человѣка прославившагося величайшими заслугами. Въ отвѣтъ на это, Канкринъ сказалъ, что неожиданная почесть, ему оказанная со стороны мужей безукоризненныхъ, независимыхъ, которыхъ труды и открытія служатъ удивленіемъ для всего свѣта и приносятъ величайшую пользу, была для него, Канкрина, высшимъ и сладчайшимъ возмездіемъ за его сочувствіе имъ и посильныя, но слабыя заслуги предъ наукою.

Мы уже говорили выше, что Канкринъ всячески избѣгалъ иностранныхъ долговъ. По этой особенно причинѣ онъ долго противился построенію желѣзной дороги, что такъ любятъ обыкновенно ставить ему въ жестокій упрекъ. Но онъ сильно содѣйствовалъ построенію шоссе. Онъ находилъ, что для сооруженія желѣзныхъ дорогъ Россія еще недостаточно

богата и еще мало развита, что желѣзная дорога можетъ содѣйствовать привозу внутрь Россіи иностранныхъ цѣнныхъ произведеній и не пособитъ намъ въ вывозѣ нашихъ грубыхъ продуктовъ. Хотя это до нѣкоторой степени и оказалось въ послѣдствіи справедливымъ; но выгоды, доставляемыя желѣзными дорогами, какъ въ экономическомъ отношеніи, такъ въ отношеніи цивилизаціи и въ отношеніи стратегическихъ движеній войскъ, превышаютъ эти неудобства, въ чемъ мы имѣли много доказательствъ; а за недостатокъ у насъ этихъ путей, особенно въ южномъ краѣ, мы уже довольно поплатились. Слѣдственно предубѣжденія въ этомъ случаѣ Канкрина были неосновательны и взглядъ его былъ ошибоченъ.

И такъ графъ Канкринъ, принявъ министерство во время самаго затруднительнаго положенія финансовъ Россіи, привелъ ихъ въ цвѣтущее положеніе, не дѣлая для этой именно цѣли иностранныхъ займовъ, возвысилъ на самую высшую степень государственный кредитъ въ глазахъ всѣхъ рынковъ Европы, и не смотря на значительныя войны, не смотря на возстаніе Польши, на европейскій кризисъ, не смотря на свирѣпствовавшую холеру, и наводненія, не мало затруднявшія его управленіе, богатство Россіи сильно возрасло въ его министерство. На это, между прочимъ, мы имѣемъ свидѣтельство того же г. Тенгоборскаго, который проповѣдывалъ въ Россіи систему торговой политики, противную направленіямъ графа Канкрина и слѣдственно осуждалъ его.

Это осужденіе системы Канкрина со стороны многочисленныхъ послѣдователей Тенгоборскаго, къ которому въ то время присоединилось весьма много лицъ изъ высшаго круга Петербургскаго общества, произвело борьбу весьма тягост-

ную для Канкрина, особенно послѣ созданія министерства государственныхъ имуществъ. [1]) Тогда, подъ вліяніемъ пре-

[1]) Къ этому времени относится, приводимое ниже, собственноручное письмо Императора Николая I, написанное имъ, по одному случаю, когда Канкрина больнаго потревожили ночью для незначительной справки, будто бы по приказанію Государя.

КОПІЯ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНАГО ПИСЬМА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-ГО КЪ ГРАФУ КАНКРИНУ, ПИСАННАГО КАРАНДАШЕМЪ.

«Сегодня только узналъ я, любезный Егоръ Францовичъ, что нехотя я былъ причиной одного обстоятельства, которое справедливымъ образомъ должно было васъ огорчить.—Не видавъ васъ столь долго, лишенъ я былъ возможности условиться съ вами о намѣреніи моемъ ближе узнать порядокъ дѣлъ департ. государственныхъ имуществъ, для чего полагалъ начало года самымъ удобнымъ временемъ. Приказавъ С. С. Танѣеву увѣдомить васъ о семъ намѣреніи, мнѣ и въ мысль не приходило, чтобы для сообщенія сего стали васъ тревожить безъ всякой нужды среди ночи!—тогда какъ ничто не мѣшало исполнить сіе въ обыкновенное время; но такъ какъ начальникъ отвѣчать долженъ за своихъ подчиненныхъ, то я охотно принимаю грѣхъ на себя и винюсь искренно предъ вами въ невольной винѣ. Но не менѣе того вы должны были принять сіе странное объявленіе моей воли, какъ нѣкій знакъ неудовольствія моего, и это всего бы мнѣ было прискорбнѣе. Вы, надѣюсь, знаете съ давнихъ временъ мое къ вамъ уваженіе: одиннадцать лѣтъ нашихъ личныхъ сношеній обратили оное, могу сказать по истинѣ, въ искреннюю къ вамъ дружбу и благодарность—и въ этомъ ли расположеніи къ вамъ, могъ бы я рѣшиться нанести вамъ какую либо непріятность? Надѣюсь, что вы меня довольно хорошо знаете, чтобъ къ моимъ слабостямъ и недостаткамъ не причитать гнуснѣйшаго изъ всѣхъ пороковъ—неблагодарности. Надѣюсь, что послѣ сего чистосердечнаго объясненія удалось мнѣ разсѣять въ васъ и тѣнь сомнѣнія въ тѣхъ искреннихъ чувствахъ дружбы и признательности, съ которыми навсегда пребуду къ вамъ искренно доброжелательный.

Санкпетербургъ. Н.

1837 г. 5 Января.

имущественно ученія г. Тенгоборкаго, господствовала идея, будто Россія есть по преимуществу государство земледѣльческое, а развитіе промышленное дѣйствуетъ во вредъ земледѣлію, что въ послѣдствіи и выразилъ Тенгоборгскій въ своемъ сочиненіи. Но Канкринъ видѣлъ вещи яснѣе и глубже. Онъ находилъ, что развитіе премышленное необходимо для успѣховъ земледѣлія, которому необходимо должно предшествовать, — а для развитія всякихъ промышленностей необходимо содѣйствіе мануфактурнаго развитія. Истина эта доказывается намъ теперь на каждомъ шагу; но особенно поразительна ея очевидность при возникающемъ въ большихъ размѣрахъ свободномъ трудѣ, какъ теперь у насъ и въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ.

Постоянная борьба Канкрина съ различными противниками его плановъ въ достиженіи великой его цѣли, потрясла наконецъ его здоровье, что въ преклонныхъ его лѣтахъ конечно было опасно. Это было причиною, что онъ, оставивъ службу въ 1844 году, поѣхалъ заграницу для излѣченія болѣзни, гдѣ и получилъ нѣкоторое облегченіе. Доктора ему совѣтовали однакожъ жить въ болѣе тепломъ климатѣ, но привязанность его къ Россіи, къ избранному облагодѣтельствованному имъ отечеству влекла его неодолимо въ Петербургъ, и въ 1845 году онъ возвратился. Нѣкоторые члены семейства, не сопровождавшіе его въ путешествіи, встрѣтивъ его въ Кронштадтѣ, были поражены перемѣною въ чертахъ его лица. Всѣ надѣялись, что тщательныя попеченія о немъ и спокойная жизнь въ Павловскѣ, гдѣ онъ располагалъ провести лѣто, возстановятъ его силы. Къ несчастію надежда эта не осуществилась. Съ приближеніемъ осени увеличались его страданія, болѣзнь усилилась и низвела его въ могилу 9-го Сентября 1845 года. Эта утрата

была почувствована всѣми: всѣ понимали его великія заслуги предъ отечествомъ, и весьма многіе находили его незамѣнимымъ. И это предчувствіе оправдано было послѣдствіями. Финансово-экономическая система Канкрина не долго пережила его и теперь, не смотря на всѣ усилія правительства, мы далеко не въ цвѣтущемъ положеніи въ этомъ отношеніи.—Это почти общее предчувствіе, невозмутимый характеръ великаго министра, его свойства какъ примѣрнаго человѣка и незамѣнимость его утраты довольно удачно выразилъ Бенедиктовъ въ стихотвореніи: «Онъ», написанномъ по случаю смерти Канкрина, и конечно извѣстномъ почитателямъ этого государственнаго человѣка.

Продается исключительно

въ

КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. Ѳ. БАЗУНОВА

На Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ д. Ольхиной,
№ 30-й.

Цѣна 20 к., съ перес. 40 к.